МЕРТВЫЕ ГОРОДА.

1.

Тѣсно связаны мы съ обстающимъ, которое изнутри пронизано такъ, что мы можемъ сказать: геология—продолженіе психологіи; въ сквозякахъ душевности кристаллизуется материальность, которая есть отложеніе души; жизнь нарастаетъ на духѣ такъ точно, какъ растутъ на насъ наши волосы; человѣческій организмъ продолжается въ волосы; человѣческій духъ продолжается въ его обстающія земли.

Это мѣстное изучить подвижникомъ: по ученикъ знаменитаго Вернера—Оффафенъ, корежскій геологъ, его проводилъ въ геологіи; горный инженеръ Гартенбергъ его разрѣшилъ; онъ быть тоже слушателемъ Вернера, хотя и моложе онъ былъ на другомъ своемъ поприщѣ подъ псевдонимомъ «Новалисъ».

Дѣйствительность, обстающая насъ и какъ данная—еще хаосъ: перелитыя, мысли, процессы и волны въ ней кипятъ: данность мира, переходная данность — всегда: видѣть Паросъ и считать «мышьей залпой», надъ которой одни восклицаютъ:

«О страшныхъ тѣсныхъ сѣхъ но той».

А другіе запугиваются:

«Я понять тебя хочу:
«Тѣсный твой языкъ учу»...

Пониманіе есть работа души надъ безстрастіемъ данного: оно—творческая способность, внесенье слагаемыя въ міръ данного хаоса объективность дѣйствительности; соединеніе даннаго хаоса съ обдуманной идеей о немъ есть дѣйствительность; нѣтъ ея еще въ первично данномъ объектѣ.

2.

Это все приходитъ на умъ при посѣщеніи мертвыхъ изъ курортовъ Пасейдаги, нынѣ пустующихъ.

Мертворожденныя другъ на другѣ сквозякахъ, другъ друга давящихъ отелей, ужасна; и ужасенъ отель, тощій дворецъ: безтолковый, отсталый, чудовищный, жалостный кубъ; да, мы всѣ провалились въ кубизмъ; направленіе въ живописи не причемъ: направленіе нашей собственной, мертвой жизни оно отражаетъ точно.

Въ брошенныхъ городахъ раздается ужасно: кубизмъ нашей жизни. снаружи прикрытый цвѣтами, какъ вотъ этотъ чудовищный кубъ («Palace» или «Splendide»—все равно), передъ которымъ для вида разбили пестрѣнькую клумбу и тупо воткнули двѣ пыльныя пальмы, чтобы онѣ веселили взоръ пестрой жизнью растительности; все равно: безобразный кубъ развѣ отрячешь? Изъ него черезъ двѣ пыльныхъ пальмы на васъ прѣетъ второй «неприкаянный домъ», пустого, гдѣ еще резонируютъ стѣны—разговорами, думами и поступками скитавшихъ здѣсь фатовъ и модницъ пяти частей свѣта; словъ не слышите вы; и поступковъ не видите; но вникните жестамъ жизни, здѣсь бившимъ недавно, еще до войны; событія—пролетѣли; а жесты—остались; они ютятся въ обояхъ, въ коврахъ въ спинѣ креселъ: и поднимаются пылью теперь; и покрываютъ столовыя весь этой (глазу невидной, душѣ же отчетливой) пыли: и пыль ужасаетъ.

Непосредственное впечатлѣніе предметовъ носитъ долго печать обладателей, а впечатлѣніе домовъ сохраняетъ печать обитателей; обитателя и посѣтители дома мѣняютъ самое впечатлѣніе стѣнъ; зобразіе самихъ стѣнъ, благообразится оплотворенемъ жизни; обратно...

Вотъ—кафе, пансіоны, отели, курзалы и клубы: пустые, большіе, тяжелые, каменные; и—сумасшедше-тупые: дико смотритъ безсмысленно оконъ; торчатъ рои трубъ; безобразно осколенъ подъѣздъ; стоитъ хохотъ подъѣзновъ.

Пустая дѣйствительность камня передъ вами изобличаетъ пустую дѣйствительность здѣсь отхлынувшей жизни; ея опаленный костякъ— вотъ, передъ вами: чудовищный казонный кубъ съ... квадратами окоп: и—двѣ пыльныхъ пальмы.

И эта жизнь есть «Splendide»...

Здѣсь, по каменнымъ тротуарамъ, подъ поклонъ, утирая усиленно потъ, волочились съ цвѣтками въ петлицахъ лѣнивые слюбы всѣхъ странъ въ бѣлоснѣжныхъ суконныхъ штанахъ и въ куртузныхъ визитахъ; здѣсь они фиртовали, отплясывая «танго» всѣхъ странъ: изо дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; все такъ же, все тѣ же—дамы въ газовыхъ платьяхъ, полуоголенныя, напоминающія стрекозъ, межъ рядами камней здѣсь стрѣляли глазами въ разслабленныхъ «бѣлоштанниковъ»...

Теперь—все не то.

Пусты — рестораны, курзалы, отели; смѣшной «бѣлоштанникъ»—ненужный, надутый—протащится, дергаясь, какъ хохочущей пасти подъѣзда—куда-то; онъ не знаетъ—куда: остановился; и смотритъ онъ, какъ стоитъ полисменъ, какъ протащится тѣмъ (совершенной пустой), какъ пройдетъ полнопрудная дама съ отроминѣйшимъ токомъ на шляпѣ—въ кричаще зеленомъ во всемъ; изъ-подъ сквозной и короткой юбчонки дрожатъ ея икры; и до ужаса страшенъ ея смѣхотворный нарядъ, заставляющій ждать отъ дамы, что она вдругъ пустится въ танецъ; но глаза ея—грустны и строга; и какъ бы говорятъ: «Ну, за что меня нарядили во все это»...

Ее жалко... до боли...

Можетъ быть: ея мужъ залегаетъ въ траншеяхъ; можетъ быть,—въ эту минуту бросается онъ въ рой гранатъ: глаза—плачутъ; и—тамъ онъ; а посадка фигуры, походка и «все прочее» моды заставляетъ несчастную модницу продолжать «danse macabre» въ каменныхъ тротуарахъ умершаго города.

Дамъ—въ испугѣ; а «бѣлоштанникъ»—бодрится; и развинченной, дробной походкой бѣжитъ ей навстрѣчу. Вотъ уже онъ въ кафе; и ему, одному, неизмѣнный оркестрикъ вентерцевъ визжитъ что-то скрипками. По забвенія—нѣтъ. Нашъ поэтъ говоритъ, опять—

«Въ безднѣ безцѣльности
Цѣльность забвенія».

Бальмонтъ.

«Бездна безцѣльности»:—сотни и тысячи «бѣлоштанниковъ», сотни и тысячи отрокозящихъ франтихъ, заполнявшихъ недавно здѣсь все; эта «бездна» отхлынула: «цѣльность забвенья» въ ней—марево: дѣйствительность повела насъ отъ стѣнъ этихъ залъ чередъ фронтъ къ поискамъ живой жизни: ее этой.

Отчего-то ужасны здѣсь отложенія жизни—тѣсно; отого-то ужасны пустые кафе и отели; многоглазыя чудовища расхохотались; и—дразнятъ: подъѣздами. Некому подъѣзжать; но и—не къ чему подъѣзжать.

3.

Осенью я пріѣхалъ въ Монтре; и—бѣжалъ.

Монтре—мертвый городъ.

«Бѣлоштанниковъ» видѣлъ я; онъ напоминалъ мнѣ дикаря: анахорета мертваго города, расплѣвающаго печально о прошломъ.

Среди пыли площадь и вычеркъ я смотрѣлъ себѣ подъ ноги, гдѣ у озера опустѣвшимъ пьянчонъ распоглася безобразная бутылочка изъ каменныхъ, маленькихъ кубиковъ, какъ растущій лишай на цвѣтущей природѣ.

Такова Монтре съ горъ.

Изрѣдка я оглядывался, держась въ объятіяхъ одной, пересѣкать ихъ пустые рои; тротуары, лѣстницы, крыши казались вселенной, а вселенная горъ за Монтре изъ Монтре пропадала видѣ обыденнѣйшей цвѣтной фотографіи (прикосновеніе къ повадости все опошляетъ).

Мнѣ казалось, эти кубы домовъ, безобразно отрезанныхъ, безстыдныхъ, разгромоздились надъ бездной, какъ урѣзъ—оборваться въ ничто, или же: мерзкимъ растворяться въ безцѣльность по образу и подобію облакъ, разсѣяться кареволъ; въ никуда и въ ничто поднимались стѣны домовъ; и ничто глядѣло изъ оконъ; выбивались искры, клубы пыли валили съ пустого балкона, съ веранды и глухо, и пусто грустилъ бѣдный скобъ: въ никуда и въ ничто.

Разъѣлись иллюзіи будто бы многокрасочной жизни; ея краски—татуировка, и бронзовѣетъ подъ нею дикарское тѣло, и каменѣютъ подъ пестрыми амулетами дикихъ модъ — тѣла «каменныхъ бабъ», вопиющаго неистово: еще недавно цвѣтали многіе нищенскую «blonde Bestia» просто «блондинкой»: оказалось: біологическій бандитъ, «blonde Bestia», есть—болванъ, пережившій каменнаго періода, неизвѣстно какъ попавшаго въ будущее, какъ оттуда грозитъ омертвѣлость, одичаніемъ жизни.

Пустость жизни—дикарство.

Дикари—декаденты, они—обломки культуръ, неосмысленность упощенія жизни разъѣдаетъ культуру и низводитъ къ дикарству, утонченность жеманства, стилизація и искусственный примитивъ—переходныя стадіи отъ культуры къ дикарству и футуристъ (шарлатанъ, бездѣлитель, мошенникъ—все равно!) переходитъ къ дикарю.

Карѳагенскія бритвы въ позднѣйшемъ періодѣ жизни встрѣчаются: у тамгалайскаго пегра; тамъ онъ—боевые вожди; тамъ всегда: футуристическіе манифесты о разгромѣ искусства обернутся дѣйствительностью; томагавокъ «грядущаго хама» грозитъ Дилюнцѣ.

Среди насъ, въ городахъ, образуются новыя племена: папуасовъ XX вѣка; въ многообразіи проявленія бѣжитъ папуасъ среди насъ; онъ—«танцистъ»; онъ—«акашъ»; «футуристъ» есть одно проявленіе; «бѣлоштанникъ»—другое.

Въ настоящее время съ насъ сдерзнуты: украшенія, амулеты и кольца; лики мертвенной жизни возстали: кричатъ; безобразіе мертвыхъ курортовъ—кричащее проявленіе дикарства XX вѣка; пока была въ нихъ жизнь—мы пьянились ея кричащими блесками; но эти блески суть перья и кольца, которыми насъ обманываетъ папуасъ, утверждая, что онъ—европеецъ; и мы ему вѣрили; и танцовали мы— кэкъ-уокъ, непрыскій танецъ; и «кэкъ-уокомъ» пошли мы по жизни; и «кэкъ-уоковой» поступью бродитъ доселѣ, одинъ—грустный фатъ: въ мертвомъ городѣ; печать «Кэкъ-уока» и «Танго»—на всемъ нашей жизни; и онъ—печать дикаря, котораго якобы цивилизацией разсосала Европа; но разсосала — всосала: его отсталое тѣло въ свое сигнаторное тѣльце. И Полинезія, Африка, Азія протекли въ ея кровь: въ ней вскипѣли; въ ней бродятъ и бредятъ: чудовищно-дикой фантазіей, безсмертцей плясовой, изуродованной жизнью бытовъ, стилей, и модъ; и даже—манерой держаться.

Европа—мулатка.

Что-то дикое есть въ безобразіи стилей домовъ, въ сумасшедшемъ нагромѣ пустыхъ мрачныхъ окнъ спелей, въ глухихъ звукахъ гонга, прилетающаго въ насъ обѣда къ угрюмымъ столамъ.... «Нанкото».

Мертвый городъ—курортъ—безъ людей, напоминаетъ ряды отсталѣйшихъ череповъ, оскаленныхъ подъѣздными дугами; это—скверъ; и отъ нея мы должны отрѣшиться: создать городъ жизни—«Градъ Новый»: Градъ Солнца.

Если мы не осознаемъ ближайшей задачи своей, то мулатскій обликъ Европы изъ шоколадно-лимоннаго станетъ... бронзово-коричнемъ; и въ легкой личины «утонченной» кожъ-уоковой жизни вдругъ оскалится мордо сестра: вакхалетъ томагавкомъ.

Надо уже среди насъ: будемъ твердо... зрѣлыми.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.